

**«ЖИЗНЬ МОЯ, КАК ЛЕТОПИСЬ, ЗАГУБЛЕНА»
(Владимир Нарбут: штрихи к творческой биографии)**

И. Р. Жиленко, канд. филол. наук, доцент
Сумский государственный университет,
ул. Римского-Корсакова, 2, Сумы, 40007, Украина
E-mail: ariadna_365@mail.ru

Статья посвящена изучению творчества Владимира Нарбута. Как художественные произведения, так и публицистические, в течение всего времени существования советской власти до начала периода перестройки не издавались и не изучались. Творческое наследие автора как поэта, писателя, общественного деятеля, критика, сценариста и основателя информационных источников в России изучена недостаточно, поэтому работа является попыткой определить место Владимира Нарбута в истории литературы XX века, дать оценку его художественно-публицистического наследия, раскрыть многогранность его таланта.

Ключевые слова: публикация, поэзия, рецензия, художественная проза.

Творчество Владимира Ивановича Нарбута (1888–1938) – яркая страница в литературе серебряного века. Это человек незаурядного таланта: известный литературный деятель, издатель, редактор, критик. Выросший в живописном уголке Украины под Глуховом, Нарбут внес неоценимый вклад в развитие печатного дела в большевистской России. Как поэт, он стоит в одном ряду с Ахматовой, Гумилёвым, Мандельштамом. Однако имя Нарбута по идеологическим причинам долгое время замалчивалось.

Основательных научных исследований о жизни и творчестве Владимира Нарбута немного. В 1983 году в Париже Л. Чертков редактировал стихи Нарбута, которые выпустил с предисловием «Судьба Владимира Нарбута». Первые попытки целостного рассмотрения творчества писателя предприняты в диссертациях А. Миронова «Владимир Нарбут: творческая биография» (2007) [1] и Р. Кожухарова «Путь Владимира Нарбута» (2009) [2]. В декабре 2015 года защищена кандидатская диссертация П. Чеснялис «Эстетика и поэтика адамизма в лирике Нарбута и Зенкевича» [3].

Отдельным вопросам жизни и творчества поэта посвящены такие научные статьи: А. Бирюков («Последний Рюрикович»), Р. Тименчик («Про стихи Нарбута»), О. Лекманов («О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя»»), В. Беспрозванный («Анна Ахматова – Владимир Нарбут: к проблеме литературного диалога»), Л. Пустильник («Для меня мир всегда был прозрачной водой»), Д. Мельник «Украинский аспект в поэзии Нарбута», Е. Чигринец «Родина Нарбутів: україно-російський культурно-історичний вимір») и другие.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью творческого наследия Нарбута как поэта-акмеиста, прозаика, критика, редактора, основателя информационных источников в большевистской России.

Цель работы: обозначить место Владимира Нарбута в истории литературы XX века, дать оценку его художественно-публицистическому наследию, раскрыть многогранность его таланта.

Основными биографическими источниками о жизни Нарбута являются сведения из мемуарно-очерковых записей Ю. Олеси, В. Катаева, Н. Мандельштам, воспоминания внучки поэта, Т. Нарбут. Одна из первых – публикация М. Зенкевича в альманахе «День поэзии» в 1967 году. Н. Бялосинская и Н. Панченко исследовали архив В. Шкловского, включающий в себя объемный рукописный фонд Нарбута [4].

Нарбут, по словам исследователя А. Миронова, – один из тех поэтов, судьба которых таит немало невнятных. Его жизнь была овеяна мрачными и загадочными легендами, порой фантастически искажавшими реальные факты. Хромота, заикание, демоническая внешность, мелодично-корявые стихи, необычайным образом соединяющие в себе прекрасные и безобразные явления жизни, скандальные истории из области его издательской деятельности, неясные обстоятельства гибели – все это в сумме порождает образ павшего ангела-поэта, радостно и трагически принимающего мир [1].

Происходил Владимир Нарбут из старинного литовского дворянского рода, переселившегося на Украину в XVII веке. Первым известным в украинской ветви рода был Мусий Нарбут, который в 1678 году построил хутор Нарбутовку неподалёку от Глухова. Нарбут Владимир Иванович, младший брат графика Георгия Нарбута, родился 14 апреля 1888 года в дворянской семье Ивана и Неонилы Нарбутов в родовом поместье Нарбутовка Глуховского уезда Черниговской губернии.

Отец был суров, мать добра. Старшие их сыновья часто забирались на чердак, где тайно от отца Георгий рисовал, а Владимир читал и писал стихи. Разница между братьями была в два года, но детство и юность они провели бок о бок, как близнецы. Стихов Владимира Нарбута той поры не сохранилось, хотя известно, что он рано начал писать, интересоваться политикой. В 1906 году окончил гимназию и по прошению был зачислен на факультет восточных языков Петербургского университета. Поселился вместе с братом в доме художника И. Я. Билибина. У исследователей не возникает сомнений, что на молодого человека, стоявшего тогда лишь у самых истоков своего поэтического будущего, глубинная и увлеченная художническая натура Билибина воздействовала благодатно.

Владимир стал активным участником тогда же заложенного «Кружка молодых», на вечерах которого, по воспоминаниям Георгия Нарбута, «выступало немало крупных, впоследствии, русских поэтов и писателей» [5]. В 1912 году, чтобы избежать суда за скандальный сборник «Аллилуиа», он, по приглашению Н. Гумилева, присоединился к пятимесячной этнографической экспедиции в Сомали и Абиссинию. Но после амнистии затея с изданием «Нового журнала для всех» не удалась и Нарбут уехал в родную деревню.

В 1917 году Владимир принял большевистскую власть. На хуторе Хохловка он был ранен анархистами и едва не погиб. После зверского нападения 1 января 1918 года поэту ампутировали кисть левой руки. Весной того же года перед немецкой оккупацией Нарбут уехал в Воронеж, где начал вести активную общественную деятельность, став главой губернского сообщества журналистов.

Через несколько месяцев в Ростове-на-Дону Нарбуту, арестованному денкинской контрразведкой как большевистскому газетному редактору, был вынесен смертный приговор. Освобожденный из тюрьмы красными конниками бывшего вахмистра Первой мировой Бориса Думенко, Нарбут остался навсегда с клеймом белогвардейского пленника.

В 1920 году он стал активным организатором литературного процесса в Полтаве, Севастополе, Николаеве, Тирасполе, Херсоне. В Одессе, ставшей центром культурно-просветительской деятельности, Нарбут начал выпускать журналы «Лава» и «Облава», возглавил ЮгРОСТА и объединил под своим началом талантливую молодежь, которая позже, с подачи В. Шкловского, была названа «южно-русской школой».

В ноябре того же года активист отправился в Крым. Всего за три недели он основал КрымРОСТА в Севастополе, открыл филиалы в Симферополе, Ялте и Евпатории. Дело было не легким, отмечает М. Собка, поскольку полуостров роился белогвардейцами, тем не менее издательскому делу в Крыму было положено уверенное начало [6].

Харьковский период биографии Нарбута охватывает в основном 1921–1922 годы. В тогдашней столице судьба соединила его с Серафимой Суок – женщиной, которую он любил уже давно, и которую суждено ему было любить до последнего, предсмертного магаданского вздоха. В это время он руководил агентством Украины (РАТАУ), стал основателем и директором издательства «Земля и Фабрика».

С 1923 года Нарбут жил и работал в Москве. Об этом периоде жизни поэта остались субъективные свидетельства в двух книгах воспоминаний Надежды Мандельштам и в «Мемуарах» Эммы Герштейн. В секретариате ЦК ВКП (б) он заведовал подотделом, курирующим непериодическую печать и художественную литературу [7]. В 1927–1928 годах был одним из руководителей ВАПП. В 1928 году известный критик А. Воронский, увидевший в Нарбута своего конкурента, привлек к партлитдискуссии документы о нарбутовских днях в денкинских застенках. Тем самым судьба Нарбута была решена – в том же году он был исключен из партии и лишен всех постов, а в 1936 году последовал и фатальный арест. А. Бирюков писал, что Нарбут обвинялся в том, что «входил в группу «украинских националистов – литературных работников», которая занималась антисоветской агитацией» [8].

Точная дата смерти поэта неизвестна. Следуя одной из версий, Нарбута расстреляли 14 апреля 1938 года, по другой – охранник в 1939 году столкнул его с баржи в бухте Находка. Есть и предположение, что он погиб 15 ноября 1944 года [9].

Владимир Иванович Нарбут был реабилитирован 31 июля 1956 года, а ещё через месяц его восстановили в Союзе писателей (посмертно).

Период активной литературной деятельности Нарбута-поэта – с 1909 по 1911 годы. Хотя многочисленные публикации Нарбута в журналах и газетах не привлекли особого внимания критики, первая книга под названием «Стихи» (1909) не осталась незамеченной. Она включала 77 стихотворений, печатавшихся в периодике 1910-х годов, однако остались и такие, которые в книгу не вошли. Раздел «В городе Глухове» с эпиграфами Г. Сквороды, И. Котляревского и других представляет собой собрание интимной и пейзажной лирики («Весна», «На заре», «Сосны»). Мотив слияния с природой, эмоциональные всплески автора очень чутки и нежны:

*Ласкай меня... Ласкай, баюкай...
Уж недалеко те часы,
Когда единственной порукой
Мне будет – лента из косы.*

В краеведческом музее г. Сумы хранятся экземпляры журналов «Вестник Европы» и «Современный мир» за 1910–1913 годы. На их страницах размещены ранние стихотворения поэта, основная тема которых – природа («В августе», «На баштане», «Вечер сенокоса», «Утро в монастыре», «Зимняя ночь» и другие), с присущими им живостью и динамизмом:

*Чрез лапы ватюю покрытых хвой,
Мороз прокалывает рукавицы
Отточенной зудящею иглой. <...>
И – вдоль оврага – с напряженной силой
Два грузных лося пронеслося вскачь...*

Содержание и некоторые названия стихотворений сопоставимы со временем публикаций. Нарбут подстраивался под устойчивый календарный график тематики. У него зимой «морозом пахнет дивный воздух»; весной «дымятся-паруют поля», под Пасху наступает «скорбный час в ночи мучений»; летом «жужжали пчелы, и аромат от леса шел такой медовый и тяжелый», осенью «всё готово к сбору <...> и все цветы повядали» [10 - 12].

Стихотворение «В августе» (1910), напечатанное в «Вестнике Европы», больше ни в одном издании не повторялось. Через образы насекомых и их занятия поэт передает тепло и томность августовского дня:

*И желто сосны отцветали,
но вереск без огня горел...*

*Шмели и пчелы хлопотали,
а день теплом осенним грел [10].*

Поэзии Нарбута присуща упругость рифмы и слога. Через созерцание привычных картин автор показывает всю необычность и ценность мира природы, столь важного для него самого.

Стихотворение «Сонет» (1911), появившееся на страницах «Нивы», повествует о старой водяной мельнице, которая изветшала, но всё же продолжает работать, и «жернова вертятся с заботой, хоть разрушенья дни не далеки». Через призму образа Нарбут грустит о тяжёлой участи рабочего народа, а в шуме воды видит стремительное течение времени.

«Под месяцем» (1911) – таинственное и с легкими нотками грусти стихотворение, напечатанное в журнале «Пробуждение». Лирический герой хочет убежать в лесной скит, который манит его огнём своих свечей. Примечательно, что Нарбут говорит о свете месяца как о защите от пагубного света монастыря. Стало быть, образ христианского смирения, уединения поэт для себя переосмысливает кардинально. Лейтмотив одиночества создает загадочность и таинственность.

Рецензируя ранние произведения Нарбута, В. Брюсов отметил у поэта умение и желание смотреть на мир собственными глазами. Мир, на который смотрел в первый год своего творчества Владимир, не имел ничего общего с цивилизацией – утверждает Л. Ситниченко [13]. Разные состояния природы, отдельные вещи подлежат тщательному рассмотрению. Именно эта особенность творчества Нарбута, по мнению исследователя, и объединяет его с акмеистами.

Мы согласны с мнением исследователя Д. Мельника, который обращает внимание на приверженность поэта к «суржику». Он пишет: «характерно, что ряд украинских словечек, таких, как «хата», «цвях», Нарбут никогда не подменяет русскоязычными соответствиями» [14, с. 186].

Постреволюционная лирика поэта отзывается иной тематикой и образностью. Это случилось после трагического эпизода в жизни Нарбута, когда в нём как в поэте, по его словам, «что-то надломилось». Так рождаются строки:

*Жизнь моя, как летопись загублена.
Киноварь не вьется по письму.
Ну, скажи: не знаешь, почему
Мне рука вторая не отрублена?*

Л. Пустильник отмечает, что лексика Нарбута в это время «избыточно кровава; если кому-нибудь пришлось бы в голову составить частотный словарь языка нарбутовских стихотворений 18-20-х годов, тот выглядел бы примерно таким образом: 1. Кровь (крававый); 2. Рана; 3. Нож и т. п. [15].

*...И ночь дохнёт глубокой грудью
И снимет с влажного чела
Повязку смерти на безлюдье...
И этот красный ржавый нож
Рукой невидимую сдвинув,
О ночь, усладу ты найдёшь ... («Месяц»)*

Исследователь также считает, что в стихотворениях 20-х годов мотивы пожара, крови, общего неблагополучия обретают новый смысл [15]. К таким произведениям относятся: «В огне», «Голод», «Развернулось сердце розой». Автор с горечью пишет о своих ранах, о призрачном будущем:

*Прощайте, завода трубы,
Мелькай, степная тропа!
Я буду, рубака грубый,
Раскраивать черепа.*

Нарбут в это время – наследник соловьевской и блоковской традиций [14, с. 188]. В стихотворении «Голод», написанном в 1921 году в Харькове, он пропустил через себя страдания народа. Красочное, но в тонах ужаса и сочувствия, произведение –

скорбная песнь о происходящих событиях. Поэт воздерживается от оценочных суждений, он передает свои чувства через многозначительные образы:

*А это кто?
Не человек, а тень, –
Мертвец, шатающийся по деревне!
Краснея, веки подымает день, –
И день и ночь не размечают певни...
Какая жуть!
Какая тишина!*

В стихотворениях о гражданской войне и революции, как считают ученые, Нарбут практически отказывается от украинизмов [14, с. 187]. Однако мы обратили внимание, что в 20-е годы поэт снова активно использует украинскую лексику, как в цитируемом стихотворении («певни», т.е. «петухи»), так и в других. Приведем некоторые примеры:

«В огне» – встречаем такие украинизмы: «и зорями (звездами) вторит певню (петуху)»; «гудит за веселым тыном (изгородь)»; «горбунья-хата (изба)»; «Зачем ты говоришь раной» – «мужик «в лаптях и ряднине (холстине)»; «Кобзарь» – «очи (глаза) карие твои»; «оттаял шлях (путь)»; «и селянин (крестьянин) и друг рабочий»; «Месяц» – «и зыбок чуткий шорох в жите (во ржи)...».

Примечательным в лирическом наследии автора является стихотворение «Развернулось сердце розой», в котором знаковые образы насыщены и фактурны. Вместе с тем сложно говорить об однозначном одобрении автором революции:

*Не ущерб, а полнолуние,
Солнцем выношенный молот!
Пулей, пьяною певуньей,
Материк, как лен, прополот.*

В стихотворении «России синяя роса...» Нарбут с болью рисует картины реальной жизни:

*Сквозь вихрь свистящая в просторах, –
Кочуйте, Мор, Огонь и Глад –
Бичующее Лихолетье.*

Возможно, переосмысливая происходящее, поэт уже не так рьяно поддерживал новую идеологию, от этого и рождались горькие строки:

*И день грядёт – и молний трепетных
распластанные веера
на труп укажут за совдепами,
на околешее Вчера («Россия»).*

Позднее, в начале 1930-х годов, Нарбут, по мнению исследователей, исповедовал принцип «научной поэзии», что, отчасти, сближало его с Н. Заболоцким. Это стихотворения-трактаты о микроскопе, молоке, пуговице, малярии и т. д. [14, с.185].

Как видим, в ранних стихотворениях Нарбута природа выступает действующим лицом, и от этого свежесть и простота его произведений. В то же время послереволюционные работы насыщены фактурными образами, и, с идеологической точки зрения, неоднозначны.

В отличие от лирики, до сих пор неизученной остается художественная проза писателя. Свою творческую манеру Нарбут определил как «натуралисто-реализм». Первые публикации – очерки в различных сборниках – относятся к 1909–10 годам. Как было отмечено, среди первых – историко-бытовой очерк «Соловецкий монастырь» (1908), очерки этнографического характера – «Сырные дни на Украине», «В Великом посту», «Малороссийские святки», – напечатанные 1909–10 гг. в «Сборнике русского чтения», рассказы «Пелагея Петровна» (1912), «Плоть» (1920) и другие.

Общедоступным в наше время является рассказ «Пелагея Петровна», главная идея которого – духовное подавление личности. Время действия – 1905 год, после

принятия Манифеста. Реалистично подана жизнь: в воздухе «носились какие-то темные слухи о воле и земле», «все тонуло в неизвестности, какую посеяла пагубная война». Стояло затишье, но и оно «пахло кровью». Люди по-разному воспринимали происходящее: молодежь «кипела, рвалась куда-то», старшее поколение полагалось на волю своей заступницы, Богородицы [16].

Главное действующее лицо рассказа – матушка Пелагея Петровна – ходила «твердыми шагами», она «величественна и прекрасна в своей строгости». Героиня изображена волевой, сильной женщиной, которая управляет как домом и прислугой, так и мужем, отцом Георгием. Автор пишет: «Приходом верховодил не батюшка, а матушка Пелагея Петровна». Действительно, Пелагея Петровна с самого начала взяла бразды правления в свои руки: занималась хозяйством, решала все вопросы, касающиеся прихода, «о плате за свадьбы договаривалась с мужиками, и благочинному индюков да поросят возила три раза в год – к тезоименитству, к престолу и к Святой, матушка и на сход являлась, когда требовалось, одна – без попа». Даже в графе, где значилось о поведении отца Георгия, было записано: «наилучшего желать нельзя», так как матушка безукоризненно выполняла все необходимое [16].

Пелагея Петровна умудрилась благосостояние семьи увеличить, и оно возрастало «едва ли с каждым месяцем». Здесь уместно провести параллель: как в обществе назревали серьезные перемены, так и в произведении краски сгущались, жизнь народа становилась невыносимой. Матушка придумывала все новые и новые средства пополнения семейного бюджета, и мужики, «покряхтывая, тащили мерки и мешки с овсом, просом и рожью к бездонному возку попадьи». После пожара Пелагея Петровна особенно рьяно стала собирать лепту, оправдываясь причиненным убытком. Нарбут пишет: «Прихожанская мзда растопыривала поповский карман – новый, вдвое больше старого». Еще один ловкий прием придумала хитрая матушка, предложив мужу давать сложные и незнакомые имена новорожденным. Первые же крестины возымели эффект: женщины пришли к ней с просьбой, принесли кур, яиц и просили отменить эти странные имена, и Пелагея Петровна сжалась, приняв «от бабьей депутации добротную жертву».

Рядом с хитрой, корыстолюбивой женой отец Георгий – полная противоположность ей: «тихий, скромный, податливый. Терпеть ее прихоти пришлось ему с юности, а «войдя в лета – и совсем забрался под ее башмак». Человек набожный, кроткий, он прячется от напора жены в саду, где находит умиротворение наедине с природой, которая, как мы уже отмечали, была главной темой раннего периода творчества Нарбута-поэта. Отец Георгий размышляет о красоте Божией, «о благолепии мира», отдается своим мыслям: «Господи! Разве нельзя жить в мире без злобы, без напастей?... Неужели дьявольское наваждение способно пересилить молитву?» [16].

Тематически рассказ восходит и к повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835), творчество которого очень близко Нарбуту, и к повести И. С. Нечуя-Левицкого «Старосветские батюшки и матушки» (1881). И если с произведением Гоголя Владимир Нарбут вступает в полемику, показывая обратную сторону жизни духовных лиц, то повесть Нечуя-Левицкого, как нам кажется, – это лишь предтеча рассказа «Пелагея Петровна».

Онися из «Старосветских батюшек и матушек» напоминает главную героиню рассказа Нарбута. Она «позно лягала, рано вставала, й слугам не давала спать», мужу советы давала, как разбогатеть, о чем ему следует говорить в воскресной проповеди. И отец Георгий очень похож на отца Харитона, который также «сидів мовчки, неначе винний школяр» и слушал, а Онися «чим більше старілася, тим більше говорила», и денег ей все мало было [17].

Помимо художественного творчества, Владимир Нарбут занимался журналистским. В 1913 году автор активно сотрудничал с литературно-политическим ежемесячником «Вестник Европы», где печатал не только стихи, но и

рецензии. Так, в апрельском и августовском номерах этого года вышли рецензии на творчество С. Городецкого и М. Цветаевой [11; 18]. В указанных рецензиях автор воздерживался от радикальных комментариев, подходил к оценке комплексно и основательно. «Наряду с прекрасными стихотворениями, – встречаешь <...> захлестнутые мутью символизма пьесы», – пишет он о книге С. Городецкого [11, с. 387].

По-особому подошел Нарбут к лирике М. Цветаевой. Рецензия, напечатанная в разделе «Литературное обозрение», начинается со вступительного слова о Каролине Павловой. Критик считает её единственной, достойной успеха русской поэтессой: «В женской поэзии по-прежнему занимает доминирующее и одинокое положение». С последующих строк становится очевидно, что автор едва ли верит в Цветаеву как в поэтессу. Осмысливая ее творчество, Нарбут повсеместно иронизирует, проводит параллели с более опытными поэтами. «М. Цветаева должна была бы определиться в более яркой форме» – утверждает он [18, с. 355]. Уязвимыми местами сборника «Из двух книг» критик называет слащавость и туманность некоторых выражений. И в то же время Нарбут подчеркивает положительные аспекты стихотворений Цветаевой риторическим вопросом: «Разве не слышится в них биение настоящей, не книжной жизни?» [18, с. 356].

В 1913 году, будучи главным редактором «Нового журнала для всех», Владимир Нарбут печатает на его страницах лаконичные, но бескомпромиссные статьи о В. Крачковском, В. Кудрямове, С. Позднякове.

Нарбута всегда отличал всесторонний подход к работе. В его критических статьях чувствуется глубокое знание темы. Он отмечал недоработки поэтов, но говорил и о положительных моментах. Будучи незаурядным лириком, критик оценивал уместность и качество рифмы, «рискованность» образов. Вместе с тем в критических статьях Нарбут осуждал любую отсылку к символизму.

Исследователь Р. Кожухаров пишет о том, что в первой книге «Максим Горький и советская печать», вышедшей в 1964 году в серии «Архив Горького», целый раздел отведен переписке Горького и Нарбута. В преамбуле дана ссылка на статью Нарбута под названием «Читатель хочет романтизма», опубликованную в № 10 «Журналиста» за 1925 год. Ученый считает, что это, по сути, отсылка к целому пласту мало изученной нарбутовской публицистики, разрабатывавшей актуальные вопросы развития литературного процесса (на протяжении 1920-х гг. статьи Нарбута регулярно выходили на страницах «Журналиста») [2].

Критическая статья Нарбута 1926 года «Летописец гражданской войны. Д. А. Фурманов» показывает внутреннюю борьбу самого автора в категориях лирика – эпос. В статье критик дает ключевые, итоговые формулы собственного понимания эпоса, он пишет: «Эпос и есть то главное, что составляет сердцевину всех литературных вещей Дм. Фурманова. И стоит Фурманову ступить чуть в сторону, отойти от эпического, попытаться стать «художником», как он начинает безнадежно спотыкаться» [19].

Как видим, литературная критика Нарбута богата и разнообразна. Его статьи петербургского периода эмоциональней последующих. В то же время во многих рецензиях критик выражает свое отношение к литературным и политическим вопросам наряду с общей оценкой работы.

Вывод. Таким образом, нами сделана попытка комплексного изучения литературной деятельности Владимира Нарбута, творчество которого по идеологическим причинам долгое время оставалось неисследованным. Украинский аспект творчества Нарбута может быть дополнен изучением прозы писателя. Тематическая близость и сходство образов дает нам право утверждать, что творчество украинских писателей было близко Нарбуту. Проследив его творческий и жизненный путь, мы убедились, что писатель прожил насыщенную жизнь. Его творческое наследие – это яркая страница в литературе первой трети XX века, которое ждет новых исследований.

**«ЖИЗНЬ МОЯ, КАК ЛЕТОПИСЬ, ЗАГУБЛЕНА»
(Володимир Нарбут: штрихи до творчої біографії)**

I. Р. Жиленко, канд. філол. наук, доцент
Сумський державний університет,
вул. Римського-Корсакова, 2, Суми, 40007, Україна
E-mail: ariadna_365@mail.ru

Стаття присвячена вивченню творчості Володимира Нарбута. Як художні твори, так і публіцистичні, протягом усього часу існування радянської влади, аж до початку періоду перебудови, не видавалися їй не вивчалися. Творча спадщина автора як поета, письменника, суспільного діяча, критика, сценариста й засновника інформаційних джерел у Росії вивчена недостатньо, тому робота є спробою визначити місце Володимира Нарбута в історії літератури ХХ століття, дати оцінку його художньо-публіцистичній спадщині, розкрити багатогранність його таланту.

Ключові слова: публікація, поезія, рецензія, художня проза.

**«MY LIFE IS LOST AS A CHRONICLE»
(Vladimir Narbut: the finishing touches to the creative biography)**

I. R. Zhylenko, PhD in Philology, associate professor
Sumy State University,
2, Rymkogo-Korsakova Str., Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: ariadna_365@mail.ru

This article is devoted to Vladimir Narbut's creation study. His literary and critical works were neither studied nor published during the Soviet period until the beginning of Perestroika. The artistic heritage of the author as a poet, writer, social activist, critic, screenwriter and founder of information sources has been poorly studied in Russia. Therefore, this research is an attempt to define the place of Vladimir Narbut in the history of the XX-th century literature, to assess his literary and journalistic heritage, and reveal the diversity of his talent.

Key words: publishing, poetry, review, fiction.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мионов А. В. Владимир Нарбут: творческая биография: автореф. дис. канд. филол. наук / А. В. Мионов – Екатеринбург, 2007. – 20 с.
2. Кожухаров Р. П. Путь Владимира Нарбута : автореф. дис. канд. филол. наук / Р. П. Кожухаров. – Москва, 2009. – 20 с.
3. Чеснялис П.А. Эстетика и поэтика адамизма в лирике Нарбута и Зенкевича [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.nspu.ru/upload/nauka/obyav_zaw/AKD_Chesnyalis.pdf (Дата обращения: 29.11.2015).
4. Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь [Электронный ресурс]: CoolLib – Режим доступа : <http://coollib.net/b/218234/read#t242> (Дата обращения 1.12.2015).
5. Кожухаров Р. В ожидании Нарбута [Электронный ресурс] // Иные берега: журнал о русской культуре за рубежом. – 2008. – № 2(10). – Режим доступа : <http://iniebereg.ru/node/42> (Дата обращения 1.12.2015).
6. Собка М. М. Загинув на Колімі / М. М. Собка // Реабілітовані історією. Сумська область. У трьох книгах. Книга перша. – Суми, 2005. – 756 с.
7. Шелковский С. Защита Нарбута [Электронный ресурс] // Проза.ру, 2011. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2011/03/21/1301> (Дата обращения: 29.11.2015).
8. Бирюков А. Владимир Нарбут / А. Бирюков // За нами придут корабли. – Режим доступа : <http://www.kolyuma.ru/magadan/index.php?newsid=375> (Дата обращения 1.12.2015).
9. Сипченко І. В. Укриті загадками життя / І. В. Сипченко // Земляки : альманах сумського земляцтва. – Суми : Собор, 2009. – С. 147–149.
10. Нарбут В. И. В августе («Был тихий день, жужжали пчёлы...») / В. И. Нарбут // Вестник Европы. – 1910. – № 8. – С. 102.
11. Нарбут В. И. Сергей Городецкий. Ива. Пятая книга стихов / В. И. Нарбут // Вестник Европы. – 1913. – № 4. – С. 386-388.
12. Нарбут В. И. Стихи и письма / В. И. Нарбут // Арион. – 1995. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/authors/n/narbut/> (Дата обращения 1.12.2015)
13. Ситниченко Л. С. Видання з публікаціями В. І. Нарбута 1910–1913 років та матеріалами про нього в зібранні Сумського обласного краєзнавчого музею / Л. С. Ситниченко // Наукове видання краєзнавчого музею: зб. статей та матеріалів. – Суми, 2006.
14. Мельник Д. В. Украинский аспект в поэзии В. И. Нарбута / Д. В. Мельник // Вестник славянских культур. – 2008. – Том IX, № 1–2. – С. 183–189.

15. Пустильник Л. «Для меня мир всегда был прозрачней воды...» / Л. Пустильник// Арион. – 1995. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/authors/n/narbut/> (Дата обращения: 29.11.2015).
16. Нарбут В. И. Пелагея Петровна : Рассказ [Электронный ресурс] / В. И. Нарбут. – Режим доступа : <http://lanterne.ru/vladimir-narbut-pelageya-petrovna.html>
17. Нечуй-Левицький І. С. Старосвітські батюшки і матушки [Електронний ресурс] / І. Нечуй-Левицький. – Відкрита книга, 2012. – Режим доступу: <https://e.mail.ru/attachment/14502007870000000889/0;1> (Дата обращения: 29.11.2015).
18. Нарбут В. И. Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг / В. И. Нарбут // Вестник Европы. – 1913. – № 8. – С. 355–356.
19. Нарбут В. И. Летописец гражданской войны: Д. А. Фурманов. Цит. по : Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 97.

LIST OF REFERENCES

1. Mironov A. V. Vladimir Narbut: tvorcheskaya biografiya [Vladimir Narbut: creative biography]: Cand. Diss., Ekaterinburg, 2007.
2. Kozhuharov R. R. *Put' Vladimira Narbuta* [Path of Vladimir Narbut]: Cand. Diss., Moscow, 2009, 20 p.
3. Chesnyalis P.A. *Eстетика і поетика adamisma v lirike Narbuta i Zenkevicha* [Aesthetics and Poetics on adamizmin in the Narbut and Zenkevich lyrics]. Access mode : http://www.nspu.ru/upload/nauka/obyav_zaw/AKD_Chesnyalis.pdf (accessed: 29.11.2015).
4. Byalosinskaya N., Panchenko N. Kosoj dozhd' [Slanting rain]: *CoolLib*. Access mode: <http://coollib.net/b/218234/read#t242> (accessed : 1.12.2015).
5. Kozhuharov R. V ozhidanii Narbuta [Pending Narbut]. *Inie berega: the journal of Russian culture abroad*, 2008, no 2(10). Access mode: <http://inieberega.ru/node/42> (accessed : 1.12.2015)
6. Sobka M. M. Zaginuv na Kolimi [Died in Kolyma]. *Rehabilitated by history. Sumy region. In 3 books. The book first*. Sumy, 2005, 756 p.
7. Shelkovyj S. Zashchita Narbuta [Narbut Protection]. *Proza.ru*, 2011. Access Mode : <https://www.proza.ru/2011/03/21/1301> (accessed: 29.11.2015).
8. Biryukov A. Vladimir Narbut. *Za nami pridut korabli* [Behind us come the ships]. Access mode: <http://www.kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=375> (accessed : 1.12.2015).
9. Sipchenko I. V. Ukrite zagadkami zhittya [Cover riddles of life] . *Zemlyaki : al'manah sum'skogo zemlyactva*. Sumy, Sobor, 2009, pp. 147–149.
10. Narbut V. I. V avguste («Byl tihij den', zhuzhzhali pchyoly...») [In August ("It was a quiet day, buzzing bees ...")] . *Vestnik Evropy*, 1910, no 8, p. 102.
11. Narbut V. I. Sergej Gorodeckij. Iva. Pyataya kniga stihov [Sergej Gorodetsky. Willow. The fifth book of poems] . *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1913, no 4, pp. 386-388.
12. Narbut V. I. Stihy i pis'ma. [Poems and letters]. *Arion*, 1995, no 3. Access mode: <http://magazines.russ.ru/authors/n/narbut/> (accessed: 1.12.2015).
13. Sitnichenko L. S. Publications V.I. Narbut 1910-1913 years and materials about it in the assembly of Sumy regional museum. *Naukove vidannya kraєznavchogo muzeyu. [Scientific edition museum]*. Sumy, 2006.
14. Mel'nik D. V. Ukrainskij aspekt v poehzii V. I. Narbuta [Ukrainian aspect in V. I. Narbut poetry]. *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2008, no1–2, Tom IH, pp. 183–189.
15. Pustil'nik L. «Dlya menya mir vseгда byl prozrachnej vody...» ["For me, the world has always been transparent water ..."]. *Arion*, 1995, no 3. Access mode : <http://magazines.russ.ru/authors/n/narbut/> (accessed: 29.11.2015).
16. Narbut V. I. Pelageya Petrovna: Story. Access mode: <http://lanterne.ru/vladimir-narbut-pelageya-petrovna.html>
17. Nечуй-Левіч'кij І. С. *Starosvits'ki batyushki i matushki* [Old-world father and mother]. «Vidkrita kniga», 2012. Access Mode: <https://e.mail.ru/attachment/14502007870000000889/0;1> (Accessed: 29.11.2015).
18. Narbut V. I. Marina Tsvetaeva. Of the two books. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe] , 1913, no 8, pp. 355–356.
19. Narbut V. I. Letopisec grazhdanskoj vojny: D. A. Furmanov. [Chronicler of the Civil War: D. A. Furmanov]. *Articles. Reviews. Letters*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature, 2008, p. 97.

Поступила в редакцию 29 мая 2016 г.